

ВОЕННЫЙ РОМАНЪ.

III.

ЭРКМАНЪ-ШАТРИАНЪ.

Въ послѣднія пятнадцать—двадцать лѣтъ французская литература хотя и представляетъ длинный рядъ писателей, какъ старыхъ, знавшихъ которыхъ давно, упрочена, такъ и молодыхъ, только что начинающихъ, но при всемъ этомъ кажущемся обиліи литературныхъ дѣятелей отроднаго и даровитого омыщется немного, Писатели прошлаго времени: Жоржъ-Сандъ, Дюма-отецъ, Викторъ Гюго, Ламартинаъ, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, утратили свѣжесть и оригинальность, молодые же писатели, народившіеся во вторую наполеоновскую имперію, большею частію служатъ представителями чисто-меркантильной литературы; они, ради сбыта своихъ произведеній, стараются угодить извращенному вкусу публики, и если иногда отличаются живостію разсказа, то еще чаще обращаютъ на себя вниманіе неправдоподобіемъ, вычурностію, отсутствіемъ истиннаго таланта и серьезной мысли.

Изъ новыхъ беллетристовъ выдѣляются рельефно два молодыхъ писателя: Эркманъ и Шатрианъ; они работаютъ постоянно вмѣстѣ и потому получили прозваніе „литераторовъ-близнецовъ“. Хотя дѣятельность ихъ началась недавно, но она обозначилась уже довольно длиннымъ рядомъ произведеній, въ которыхъ жизнь изображается какъ она есть, безъ натяжки, въ которыхъ преобладаетъ искреннее, неподдѣльное чувство—явленіе чрезвычайно рѣдкое въ современной французской беллетристикѣ.

Нашъ вѣкъ отличается необыкновенно сильнымъ развитіемъ

торговой промышленности, способствующей дѣйствительному обогащенію народовъ; но нашему же вѣку суждено было породить и пролетаріатъ — язву, медленно разъѣдающую современное общество. Съ другой стороны возникновеніе второй наполеоновской имперіи повлекло за собою увеличеніе повсюду вооруженныхъ силъ и, вслѣдствіе того, разстройство государственныхъ финансовъ. При такомъ вовсе неутѣшительномъ положеніи дѣлъ, надлежало подумать о средствахъ противодѣйствія вреднымъ проявленіямъ нашей эпохи. Для уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, для ограниченія пролетаріата, учреждаются благотворительныя общества, издаются ученые трактаты, пишутся проекты; для отвращенія бѣдствій войны, для уменьшенія вооруженій и отягощенія бюджетовъ военными расходами, собираются конгрессы друзей мира, говорятся рѣчи, ведутся дипломатическія сношенія, издаются въ свѣтъ цѣлыя сочиненія.

Этимъ двумъ вопросамъ современнаго общества посвятили свои таланты Эркманъ и Шатрианъ, и вотъ чѣмъ объясняется сила и интересъ ихъ произведеній, а отчасти и главные ихъ недостатки.

Выступивъ защитниками извѣстнаго направленія, писатели-близнецы должны были прибѣгать иногда къ крайностямъ для того, чтобы отстаивать проводимыя ими мысли. Оттого произведенія ихъ грѣшатъ нерѣдко явными натяжками; оттого и темы для своихъ повѣствованій они выбираютъ преимущественно такія, въ которыхъ легче можно проводить отстаиваемыя идеи. Это замѣтно особенно въ тѣхъ произведеніяхъ ихъ пера, въ которыхъ они рисуютъ военный міръ, и которыя писаны ими съ исключительною цѣлю показать оборотную сторону военной славы.

Между романами Эркмана и Шатриана, изображающими военный бытъ, первое мѣсто безспорно занимаютъ: „Madame Thérèse“, „Histoire d'un conscrit de 1813“, какъ продолженіе романовъ „Waterloo“ и „Le Blocus“. Романы эти въ самое короткое время выдержали нѣсколько изданій и пользуются громкою и вполне заслуженною извѣстностію, въ особенности „Исторія конскрипта 1813 года“ и „Ватерлоо“. Съ содержаніемъ двухъ послѣднихъ романовъ мы ознакомимъ читателей.

Оно очень несложно: это безыскусственный рассказъ молодого человѣка, Юсква Берта, который мирно занимался

часовымъ мастерствомъ въ Пфальцбургѣ, въ Альзасѣ, имѣлъ невѣсту, но въ 1813 году былъ взятъ, несмотря на свою хромоту и слабосиліе, для пополненія французской арміи, въ конецъ разстроенной походомъ въ Россію. Этого-то конскрипта авторы и проводятъ черезъ всю кампанію 1813 года, слѣдя за нимъ въ походѣ, на бивуакахъ, въ сраженіяхъ, на перевязочныхъ пунктахъ, въ госпиталяхъ. Къ концу кампаніи, послѣ лейпцигскаго пораженія, конскриптъ, уже старый солдатъ, израненный, истомленный, возвращается на родину, вылечивается, получаетъ разрѣшеніе отъ военнаго начальства вступить въ бракъ, женится; но, на бѣду, вскорѣ послѣ его женитьбы, Наполеонъ, сосланный на островъ Эльбу, возвращается во Францію.... Снова начинаются военныя приготовленія, и Юсифъ Берта опять поступаетъ въ дѣйствующую армію, съ которою дѣлаетъ кампанію 1815 года, участвуетъ въ сраженіяхъ при Линьи и Ватерлоо, выходитъ невредимъ и благополучно возвращается на родину въ объятія жены, въ кружокъ родныхъ и друзей.

Содержаніе, очевидно, представляло широкія рамки, въ которыя талантливые писатели могли вмѣстить весьма разнообразныя сцены и эпизоды изъ военнаго быта. Подобныхъ сценъ здѣсь дѣйствительно много; но нельзя не замѣтить въ нихъ нѣкотораго однообразія, какъ неизбѣжнаго слѣдствія главной идеи, руководившей авторами. Поставивши себѣ цѣлю разочаровать юношество въ увлеченіяхъ военною славой, показать, что счастье возможно только во время глубокаго мира; что война сопровождается лишь разореніемъ и бѣдствіями, вызываетъ самыя безнравственныя явленія, ожесточаетъ и уродуетъ чловѣческую природу, Эркманъ и Шатрианъ должны были, конечно, и подбирать всѣ данныя соответственно избранному ими направленію, избѣгая и обходя все то, что могло бы служить къ поднятію и облагороженію войны и вообще военнаго ремесла. Описывая, напримѣръ, походъ, Эркманъ и Шатрианъ не говорятъ о красотахъ природы, не изображаютъ веселости, одушевляющей войска, но съ особеннымъ тщаніемъ останавливаются на утомленіи солдатъ, на безпорядкахъ, съ какими обыкновенно бываетъ связано походное движеніе; если же они упоминаютъ о природѣ, то развѣ для того, чтобы показать, что и ея силы принимаютъ участіе въ увеличеніи разныхъ затрудненій войскамъ. Все это до нѣко-

торой степени справедливо, но односторонне, и своимъ однообразіемъ прискучиваетъ читателю.

Несмотря на такой недостатокъ, названные романы заключаютъ въ себѣ, какъ мы сказали, много живаго интереса, благодаря даровитости авторовъ и неподдѣльно-искреннему чувству, которымъ запечатлѣны всѣ описываемые ими событія и лица.

Ближайшее ознакомленіе съ подробностями содержанія послужить подтвержденіемъ сказаннаго нами. Въ каждой почти главѣ, чуть не на каждой страницѣ, можно встрѣтить выходку противъ военныхъ учрежденій, факты противъ войны и армій, и, въ то же время, почти въ каждой главѣ есть мастерски очерченныя картины, полныя жизни и правдивости.

Съ первыхъ же страницъ „Исторіи конскрипта 1813 года“, рѣзко проглядываетъ направленіе, избранное авторами. Романъ начинается описаніемъ той эпохи, когда слава Наполеона I достигла своего апогея, именно 1810, 1811 и начала 1812 годовъ, когда все вѣрило еще въ непогрѣшимость и непобѣдимость императора, когда при его проѣздѣ сбѣгались за десятки верстъ старики, дѣти, женщины, для того только, чтобы видѣть любимца и баловня фортуны. Въ ту пору этотъ человѣкъ былъ для Франціи почти божествомъ; казалось, что только имъ держится весь свѣтъ, и что если онъ умретъ, то всему будетъ конецъ.

Если и были при этомъ темныя стороны, то ихъ старались извинить, оправдать необходимостію; даже противники Наполеона, не прощавшіе ему, что онъ подавилъ свободу Франціи, уничтожилъ республику, замѣнивъ ее деспотическою имперією, даже и тѣ въ своихъ сужденіяхъ о немъ выражались сдержанно, осторожно. Представителемъ людей этой категоріи въ романахъ Эркмана и Шатріана является почтенная личность стараго часоваго мастера Мельхіора Гульдена, у котораго въ ученьи находился герой романа, Іосифъ Берта. Гульдень, по убѣжденіямъ своимъ, отчаянный республиканецъ: его называли якобинцемъ, но онъ прежде всего былъ французъ снисходительный даже къ деспотизму Наполеона, пока видѣлъ въ этомъ задатки возвеличенія и дѣйствительной славы Франціи. Собственно къ военной славѣ старикъ относился крайне неодобрительно, и въ романѣ постоянно выступаетъ съ ѣдкими выходками противъ увлеченій боевой

славой. Въ лицѣ стараго Гульдена авторы какъ-бы олицетворили нравоченіе всего своего разсказа: это личность сдерживающая своими замѣчаніями пылкую заносчивость французской крови; это типъ благоразумія, преданности труду, умѣренности, сознательной любви къ родинѣ. Гульденъ не любить войны, не сочувствуетъ военному ремеслу и лаврамъ, добываемымъ на полѣ битвы; но когда идетъ рѣчь о защитѣ Франціи отъ непріятельскаго вторженія, когда грозитъ очевидная опасность отечеству, тогда и онъ не колеблясь становится въ ряды его защитниковъ, признаетъ необходимымъ для каждаго взяться за оружіе и идти на смерть противъ враговъ.

Подъ руководствомъ такого-то человѣка воспитался Іосифъ Берта. Въ постоянныхъ разговорахъ съ нимъ въ мастерской, гдѣ они вмѣстѣ работали, герой романа привыкаетъ видѣть въ войнѣ не одну славу побѣдъ, но и невзгоды страны. Еще во времена непомеркшей славы Наполеона старикъ Гульденъ нерѣдко дѣлалъ свои замѣчанія о громадности потерь, испытываемыхъ Франціей по милости войнолюбиваго императора.

Но вотъ настала 1812 годъ. Черезъ Пфальцбургъ, лежащій на большой дорогѣ, непрерывно тянутся массы войскъ всѣхъ родовъ оружія, направляемые противъ Россіи; 10-го мая проѣхалъ черезъ городъ и самъ императоръ, спѣшившій къ своей арміи.

Съ этого времени до конца сентября не мало было отслужено благодарственныхъ молебствій; неоднократно орудія, стоявшія на городскихъ валахъ, возвѣщали новыя побѣды своими выстрѣлами. Престарѣлый Гульденъ почти всегда обращался въ такихъ случаяхъ къ своему юному ученику съ слѣдующими словами:

— Вотъ, Іосифъ, еще новая побѣда! Еще уложено тысячь пятьдесятъ народу, взято двадцать пять знаменъ, да сто орудій!... Все это прекрасно.... остается только сдѣлать новый наборъ, чтобы пополнить убыльхъ“.

Подобныя рѣчи не могли не беспокоить Іосифа; у него, въ это время, была уже невѣста Катерина, одна изъ прелестнѣйшихъ дѣвушекъ окрестностей Пфальцбурга, нѣжно имъ любимая и любившая его взаимно. Всѣ надежды его основывались на томъ, что война скоро кончится, что новаго чрезвычайнаго

набора не потребуется, а если и окажется необходимымъ обыкновенный наборъ, то онъ, по причинѣ своей хромоты и слабости тѣлосложенія, избавится отъ поступленія въ армію.

Однако прошла осень, наступила суровая, какой еще не помнили въ западной Европѣ, зима 1812 года, а о прекращеніи войны не слышно. Наконецъ, въ половинѣ декабря, во Франціи полученъ былъ знаменитый 29-й бюллетень изъ великой арміи, которымъ возвѣщалось о неудачахъ французскихъ войскъ въ Россіи, объ отступленіи Наполеона за Нѣманъ и Вислу. Чрезвычайно живо и картинно переданъ рассказъ самаго Іосифа Берта о томъ, какъ извѣщены были жители Пфальцбурга о бѣдственномъ событіи, какое впечатлѣніе произвело на всѣхъ неожиданное извѣстіе.

„На углу, у городской думы, я видѣлъ зрѣлище, котораго не забуду во всю жизнь. Тамъ было выставлено объявленіе о полученномъ бюллетенѣ; вокругъ собралось болѣе пятисотъ человѣкъ; горожане и крестьяне, мужчины и женщины, жались другъ къ другу, съ блѣдными испуганными лицами глядя на прибитое къ стѣнѣ объявленіе, прочитатъ которое, по тѣснотѣ, не было возможности. Въ толпѣ время отъ времени слышались возгласы, то на французскомъ, то на нѣмецкомъ языкѣ:

— Но вѣдь не всѣ же они перемерли... возвратятся же хоть нѣкоторые!

Другіе кричали: „Ничего не видно, нельзя подойти!“... Одна старуха ломала себѣ руки, приговаривая: „О Христофоръ!... бѣдный мой Христофоръ!“...

Другіе, какъ бы возмущаясь воплями старухи, возглашали: „да заставьте замолчать старуху!“... Каждый думалъ только о самомъ себѣ.

Сзади толпа все увеличивалась новыми лицами, прибывавшими изъ окрестныхъ деревень.

Наконецъ изъ караульни думы вышелъ сержантъ Гармантье и сталъ на крыльцѣ, держа въ рукахъ огромный листъ объявленія, подобный прибитому на стѣнѣ. Съ сержантомъ было нѣсколько солдатъ. Все бросилось къ мѣсту, гдѣ онъ стоялъ, и Гармантье началъ читать 29-й бюллетень, которымъ императоръ извѣщалъ, что во время отступленія лошади гибли тысячами каждую ночь. О людяхъ ничего не говорилось....

Сержантъ читалъ медленно и внятно; всѣ слушали съ на-

привлеченнымъ вниманіемъ, даже старуха, ничего не понимавшая по-французски, Тишина была мертвая... Но вотъ читающій дошелъ до того мѣста, гдѣ говорилось, что французская кавалерія была разстроена до такой степени, что пришлось собрать офицеровъ, у которыхъ сохранились лошади и сформировать изъ нихъ четыре роты, каждая въ сто-пятьдесятъ человекъ; генералы исполняли въ этихъ ротахъ обязанности капитановъ, полковники несли службу унтеръ-офицерскую. Когда прочитано было это мѣсто, наглядно выражавшее бѣдственное положеніе великой арміи, со всѣхъ сторонъ поднялись вопли и стоны.... Двѣ или три женщины упали безъ чувствъ; ихъ на рукахъ вынесли изъ толпы.

Правда, въ объявленіи было сказано, что здоровье императора въ отличномъ положеніи, и хотя это извѣстіе могло служить нѣкоторымъ утѣшеніемъ, но оно не могло возратить къ жизни трехсотъ тысячъ людей, погибшихъ на снѣжныхъ равнинахъ Россіи!... Толпа расходилась медленно, унылая; на мѣсто ея являлись другіе еще неслышавшіе бюллетеня, и сержантъ Гармантье черезъ каждый часъ опять читалъ его.

Такъ продолжалось до вечера и всякій разъ повторялась та же сцена.

Естественнымъ слѣдствіемъ неудачъ понесенныхъ Франціею въ 1812 году было объявленіе новаго набора, усиленной конскрипціи, которая осталась въ памяти французовъ подъ названіемъ „великой конскрипціи слѣпыхъ, хромыхъ и горбатыхъ.“ Юсифъ Берта не могъ избѣжать участи быть зачисленнымъ въ армію. Только нравственное вліяніе старика Гульдена удержало его отъ побѣга въ Швейцарію, что дѣлали тогда многіе молодые люди. И теперь не легко оставлять родныхъ друзей, свои обычныя занятія для того, чтобы изучать, далеко отъ родины, ружейные приемы, маршировку, повороты; но теперь, конскриптъ идетъ на службу утѣшаясь мыслію, что черезъ пять-семь лѣтъ онъ вернется къ своему родному очагу и не застанетъ въ немъ слишкомъ большихъ переменъ; найдетъ еще въ живыхъ и своихъ родителей и свою возлюбленную; на службѣ увидитъ свѣтъ и людей, а возвратившись домой, приобрѣтетъ право на полученіе мѣста лѣснаго или полевого сторожа. Во времена первой имперіи положеніе конскриптовъ было иное: каждый изъ нихъ зналъ, что изъ сотни отправившихся на службу земляковъ нѣредко ни одинъ не возвращался

на родину, что поступить въ армию, значило идти почти на вѣрную погибель. Неудивительно, что тогда молодые люди, съ цѣлю сдѣлаться негодными къ службѣ, выбивали себѣ зубы, огрубали пальцы, что сами матери и отцы побирали своихъ сыновей къ невинновенію властямъ, скрывали ихъ побѣги, которые сдѣлались, по свидѣтельству авторовъ, столь многочисленными, что не доставало жандармовъ для преслѣдованія дезертеровъ. Великая конскрипція, произведенная въ январѣ 1813 года, переполнила мѣру терпѣнія французскаго народа: повсюду обнаружился явный ропоть; духовенство, неблаговолившее къ Наполеону, поддерживало народное неудовольствіе.

Мастерски описаны авторами сцены при производствѣ набора, прощаніе конскриптовъ съ родными, выступленіе ихъ въ походъ; но мы не будемъ останавливаться на этихъ сценахъ, а прямо послѣдуемъ за героемъ и прослѣдимъ главнѣйшія положенія, въ какихъ находился онъ во время кампаніи 1813 года.

Извѣстна необыкновенно энергическая дѣятельность, выказанная Наполеономъ при возсозданіи армии, погибшей въ Россіи. Въ ряды арміи поступило до 500,000 новобранцевъ; сформированы были новые кадры; артилеріи даны новыя орудія, почти всѣмъ войскамъ новые обозы, закуплены лошади для кавалеріи, и все это съ декабря 1812 по мартъ 1813 года. Эркманъ и Шатрианъ не останавливаются однако на необычайной административной дѣятельности императора; они не замѣчаютъ ея; они обращаютъ вниманіе лишь на то, что, по ихъ мнѣнію, можетъ вести къ униженію военнаго дѣла. Такъ, они описываютъ самыми мрачными красками сборъ конскриптовъ къ Майнцу, гдѣ новобранцевъ снабжаютъ обмундированіемъ и вооруженіемъ; выставляютъ претерѣваемые рекрутами невзгоды, когда почти безъ отдыха, нередко даже ночью, двигаются они на сборные пункты или сѣшать къ своимъ полкамъ. Слѣдя за конскриптами, нельзя узнать въ нихъ тихъ веселыхъ, шутивыхъ, даже въ самыя тяжелыя минуты французовъ, какими обыкновенно они являются подъ перомъ французскихъ писателей. Невольно зарождается сомнѣніе въ справедливости описываемыхъ авторами сценъ.

Иосифъ Берта, взятый на службу въ январѣ мѣсяцѣ, въ половинѣ марта является уже въ авангардѣ арміи, въ дивизіи Сугама, которая входила въ составъ 3-го корпуса, состоявшаго подъ на-

чашествомъ храбрѣйшаго изъ храбрѣихъ, маршала Ней, онъ зачисленъ въ одну изъ лучшихъ полковъ арміи, именно въ 6-й линійный; гдѣ, какъ видно, немало осталось старыхъ слушакъ, прибывшихъ изъ Ионавіи; но все это не производитъ впечатлѣнія на молодого человека; онъ думаетъ только о своей родинѣ, о невѣстѣ, не принимая участія въ воодушевленіи, которое съодушевляетъ вокругъ него. Даже такая личность какъ маршала Ней не поражаетъ его. Тутъ, очевидно, уже явная натяжка, почти неестественность. Вотъ образчикъ описанія смотра, по разсказу Юсіа Берта:

„Оттешеніе началось около 18-го или 19-го марта. Помню, что во время большого смотра, который дѣлалъ нашъ маршала Ней на аншбурбургскомъ плацу, дождь лишь не переставая съ десяти часовъ утра до трехъ пополудни. Влѣво отъ насъ возвышался замокъ, жители котораго спокойно изъ оконъ смотрѣли на насъ, между тѣмъ какъ намъ вода забиралась въ башмаки; вправо, какъ въ туманѣ, видѣлась рѣка.

„Чтобы поддержать въ насъ бодрость, намъ безпрестанно командовали то „на плечо“, то „къ ногѣ“.

„Маршала, сопровождаемый своей свитой, медленно подвигался по фронту. Товарищъ мой, Зебеде, утѣшался тѣмъ, что мы будемъ находиться подъ командою храбрѣйшаго изъ храбрѣихъ. Я же полагалъ, что мнѣ гораздо пріятнѣе было бы видѣть его въ теплой комнатѣ, у камина.

„Наконецъ маршала подъѣхалъ къ намъ, и я какъ теперь вижу его въ измоченной шляпѣ, въ голубомъ, шитомъ золотомъ, мундирѣ, съ орденами на груди; въ большихъ ботфортакъ. Это былъ красивый мужчина, блондинъ, со вздернутыми носомъ, живыми глазами, крѣпкого тѣлосложенія. Онъ не былъ гордъ, потому что, пройдя мимо нашей роты и узнавъ отсалютовавшаго ему капитана, остановилъ свою лошадь и громко сказалъ:

— „Ба, да это Флорентинъ!“

„Капитанъ вытянулся, не зная что отвѣчать. Оказалось, что когда-то, еще во времена республики, онъ выѣхалъ съ Неемъ служить солдатомъ. Наконецъ капитанъ собрался съ духомъ и отвѣчалъ: „Точно такъ, я Севастьянъ Флорентинъ“.

— „Душевно радъ тебя видѣть! Я думалъ, что ты остался тамъ“, сказалъ маршала, указывая рукою на востокъ, т. е. сторону Россіи.

„Выходка эта поправилась всей ротѣ, а Зебеде замѣтить нѣтъ: вотъ человѣкъ! за него съ охотою положишь голову“.

Все это понятно каждому, кто бывалъ на смотрѣхъ и слышалъ ласковое, задушевное слово любимаго, уважаемаго начальника; каждый знаетъ какое магическое дѣйствіе производитъ подобное слово; но Юсіа Берта не тронуть поступкомъ Нея и онъ даже пренаивно высказываетъ, что не понимаетъ; почему Зебеде готовъ положить голову за маршала, который поздоровался съ своимъ бывшимъ товарищемъ.

Такое философское равнодушіе героя романа слишкомъ преувеличено, и вотъ этимъ—то часто грѣшатъ произведенія Эрманна и Шатріана, особенно относительно главнаго дѣйствующаго лица разсказа. Герой романа охарактеризованъ слабѣ другихъ дѣйствующихъ лицъ, между которыми нерѣдко можно встрѣтить прекрасныя типы. Нельзя, напримѣръ, не остановиться на живой личности товарища по службѣ и земляка Берта — Зебеде. Онъ человѣкъ необразованный, вышедшій изъ низшихъ слоевъ общества, но человѣкъ съ душою и чувствомъ. Неоднократно онъ возражаетъ на философскія разсужденія Берта, возражаетъ просто, но здраво. Берта разсуждаетъ, что поиски за славою выдуманы тѣми, кто, имѣя всего вдоволь, не знаетъ чего еще желать и потому гоняется за славою, но что простой народъ долженъ не соблазняться славою, а работать и трудиться, заботиться объ обезпеченіи своего благосостоянія.

Зебеде справедливо возражаетъ: „Все это такъ, я согласенъ съ тобою; но если мы ужь попали въ военную службу, то лучше говорить намъ, что мы сражаемся изъ-за славы. Всегда нужно поддерживать то званіе, къ которому принадлежимъ, и не бранить, а стараться выставить его въ лучшемъ свѣтѣ. А то вѣдь надъ нами же будутъ смѣяться“.

Разница между Юсіаомъ Берта и Зебеде обнаруживается во всемъ: первый постоянно остается едва сноснымъ солдатомъ, который развѣ только въ крайней опасности, въ безвыходномъ положеніи, воодушевляется храбростію отчаянія. Какъ видно изъ разсказа, онъ имѣетъ друзей, которые привязываются къ нему преимущественно изъ матеріальныхъ расчетовъ; но онъ не сближается съ массою товарищей—однополчанъ, отъ которыхъ слишкомъ далеко по своему духу и направленію мыслей; на сослуживцевъ онъ неволью долженъ наводить тоску своими

нескончаемыми философствованіями, разсужденіями да сентиментальностями. Такихъ людей не могутъ любить въ войскахъ, гдѣ преобладаетъ характеръ веселья, удалства, хотя иногда и притворнаго, однако необходимаго для того, чтобы поддержать духъ, забыться среди тѣхъ мелкихъ, а нерѣдко и крупныхъ невзгодъ, какія зачастую выпадаютъ на долю военнoслужашихъ.

Личность Зебеде инаго закала. Это простая, безхитростная натура, которая, взявшись за дѣло, исполняетъ его до конца, не унывая, какъ бы оно ни было трудно. Подобные люди держатся русской пословицы: „взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ“. Оттого они возбуждаютъ въ себѣ общее сочувствіе: ихъ любятъ товарищи и уважаютъ подчиненные, довѣряютъ имъ и начальство. Такимъ Зебеде и выставленъ въ романѣ: типъ солдата, охотно покоряющагося всѣмъ непріятностямъ жизни и службы; онъ честно дѣлаетъ свое дѣло, дослуживается до унтеръ-офицерскихъ нашивокъ и съ почетомъ оставляетъ службу, исполнивъ все, что было въ мѣрѣ его силъ и возможности.

Подобныхъ второстепенныхъ, но тѣмъ не менѣ превосходно очерченныхъ лицъ много въ романахъ Эркмана и Шатриана. Таковы сержантъ Пинто, артиллеристъ Циммеръ, фузилеры Клюпфель, Бушъ и другіе. Всѣ эти лица очевидно списаны съ натуры; объ нихъ сообщается немного, но все, что сообщается вѣрно и естественно. Личность же героя романа, очевидно, придумана авторами съ дѣлю воспроизвести въ ней все то, что чувствуютъ они сами и что желали изобразить. Оттого личность Іосифа Берта вышла изъ-подъ пера даровитыхъ авторовъ не вполне удачно. Слѣдя за развитіемъ характера и за дѣйствіями героя романа, невольно сомнѣваешься въ возможности существованія подобнаго человѣка въ средѣ войскъ.

Послѣ смотра въ Ашафенбургѣ, корпусъ Нея, къ великому огорченію Берта, двинулся въ авангардъ французской арміи на Эрфуртъ и далѣе къ Людену. По выраженію сержанта Пинто, „праздникъ уже начинался; скоро должны были открыться танцы“. И точно: вскорѣ послѣдовали небольшія дѣла у Вейсенфельса и у Риппахъ, а затѣмъ разыгралось и кровопролитное люденское сраженіе.

И дѣла, и сраженія описаны въ романѣ на столько, на сколько въ нихъ принималъ участіе Іосифъ Берта; нѣтъ ничего

дѣлаго, а есть лишь отдѣльные эпизоды, въ которыхъ участвовалъ батальонъ, или вѣрнѣе рота, въ рядахъ которой находился Берта. Общій ходъ дѣла разъясняетъ, по-своему, старый сержантъ Пинто: онъ видитъ и создаетъ, что у Гроссъ-Гершена французовъ была только одна дивизія Сугама, что противъ этой дивизіи вся союзная армія, но что тѣмъ не менѣе держаться надо крѣпко, „какъ гвоздь вколоченный въ стѣну“, до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ не придетъ на выручку и не разобьетъ противниковъ. Сержантъ Пинто находитъ даже, что въ деревнѣ силъ непріятеля и кроется особенная прелесть боя, что только при такихъ условіяхъ и можно надѣяться получить крестъ.

— „Какъ же достигнуть-то этого? спрашиваетъ сержанта удивленный Зебеде.

— „А очень просто: когда сойдутся поближе, замѣть у непріятеля знамя, пушку, генерала, все, что бросится въ глаза, и бросайся туда, да не смотри ни на штыки, ни на сабли, ни на разныя толчки! Овладеешь — вотъ тебѣ и награда“.

Такия личности, какъ Пинто, поддерживаютъ духъ новобранцевъ и образуютъ надежные боевые кадры каждой части. Глядя на стараго сержанта, видя его невозмутимо-спокойное въ бою лице, даже Юсифъ Берта чувствовалъ себя спокойнѣе и смѣлѣе.

Но подъ Люценомъ корпусу Ней пришлось очень плохо: превосходныя силы прусаковъ вытѣснили французовъ и изъ Гроссъ-Гершена, и изъ Клейнъ-Гершена къ Каиѣ. При переходѣ къ послѣднему селенію, даже старцы солдаты обратились въ безпорядочное бѣгство; самъ Ней отступилъ въ серединѣ одной толпы, считавшейся за каре. Берта былъ въ числѣ первыхъ изъ бѣжавшихъ и нисколько не думаетъ оправдываться въ томъ.

— „Многіе, выслушавъ мой рассказъ“ — говоритъ онъ — „упрекали меня, вачѣмъ я пустился бѣжать отъ Клейнъ-Гершена. Я отвѣчалъ имъ, что въ дѣлѣ, гдѣ Михаилъ Ней отступаетъ, позволительно бѣжать Юсифу Берту“.

Въ Каиѣ французы остановились и стали отстрѣливаться противъ наступавшихъ прусаковъ. Здѣсь Берта былъ раненъ пулею въ лѣвое плечо и лишился чувствъ.

„Когда я открылъ глаза—рассказываетъ онъ—уже насту-

палъ вечеръ и прусаки занимали селеніе. Въ саду, недалеко отъ меня сидѣлъ на лошади старый генералъ, съ обнаженной головою, съ свѣдыми волосами. Рвзкимъ какъ труба голосомъ, онъ требовалъ, чтобы привезли орудія, и ординарцы спѣшили передавать его приказанія. Возлѣ генерала, на каменной стѣнкѣ сада, стоялъ хирургъ, перевязывавшій ему руку; позади же, съ другой стороны, верхомъ на конѣ, былъ молодой русскій офицеръ, въ шляпѣ съ султаномъ изъ перьевъ. Вся эта картина обрисовывалась передъ моими глазами: старый генералъ съ своимъ большимъ носомъ, широкимъ и плоскимъ лбомъ, живыми глазами и смѣлымъ взглядомъ; свита его; хирургъ, лысый человекъ въ очкахъ, а вдали, въ разстояніи пятисотъ или шестисотъ шаговъ, между двумя домами, толпы нашихъ солдатъ. Все это живо осталось у меня въ памяти.

„Пальба прекратилась, но со стороны Клейнъ-Гершена слышны были пронзительные крики, топотъ, ржаніе коней, шумъ колесъ, хлопанье бичей.

„Почти безсознательно отползъ я съ дороги въ сторону къ стѣнѣ и увидѣлъ, какъ два 18-фунтовыхъ орудія, запряженные каждое шестью лошадьми, появились въ улицѣ деревни; артиллеристы нещадно били лошадей, заставляя ихъ скакать, а колеса такъ и врѣзывались, точно въ сомоу, въ груды убитыхъ и раненыхъ, лежавшихъ на улицѣ: только кости ихъ трещали!... Вотъ причина тѣхъ страшныхъ криковъ, какіе долетали до моего слуха. У меня волосы стали дыбомъ....

— „Сюда! крикнулъ старый генералъ по-нѣмецки. „Стрѣляйте въ этомъ направленіи, промежъ двухъ домовъ, противъ фонтана“.

„Орудія были сняты съ передковъ и заряжены картечью; старый генералъ, имѣя уже руку на перевязи, подвѣхалъ къ орудіямъ и я слышалъ, какъ онъ сказалъ молодому русскому офицеру: — „Повѣжайте и доложите императору Александру, что я занялъ Каю.... Сраженіе выиграно, если мнѣ пришлютъ подтвержденіе. Пусть дѣйствуютъ, а не разсуждаютъ! Мы должны ожидать отчаянной атаки. Наполеонъ подходитъ.... Черезъ полчаса онъ насядетъ на насъ своею гвардіею, но я буду держаться. Только, ради Бога, чтобы не теряли ни минуты.... Тогда побѣда останется за нами.

„Молодой человекъ поскакалъ по направленію къ Клейнъ-Гершену“.

Здѣсь авторы вставили небольшой, но чрезвычайно эффектный эпизодъ смерти стараго сержанта, который израненный лежалъ возлѣ Берта и съ нетерпѣніемъ выжидалъ, когда французы снова двинутся впередъ и отмстятъ пруссакамъ. Ожиданія сержанта и предсказанія стараго прусскаго генерала—это былъ Блюхеръ—сбылись. Наполеонъ явился съ гвардіей и рѣшилъ дѣло въ свою пользу.

„Было около шести часовъ вечера“—продолжаетъ свой рассказъ Берта,—„Неприятель занималъ всѣ дома, сады, огороды, большую улицу и переулки Каи. Меня пробиралъ ознобъ и я уже задремалъ опустивъ голову на колѣни, какъ вдругъ усилившаяся канонада пробудила меня. Два орудія, стоявшія въ саду, и нѣсколько другихъ, размѣщенныхъ на разныхъ пунктахъ деревни, производили самую учащенную пальбу, освѣщая выстрѣлами всю мѣстность, густо-занятую прусскими и русскими войсками. Но этотъ огонь былъ ничтоженъ сравнительно съ дѣйствіемъ французской батареи, выставленной на пригоркѣ противъ деревни. Позади этой батареи видѣлись густыя колонны молодой гвардіи; онѣ представляли сплошную линію штыковъ, среди которыхъ выдѣлялись фигуры генераловъ и офицеровъ съ обнаженными саблями. Вся эта картина озарялась ежеминутно, какъ молніею, выстрѣлами съ восьмидесяти-орудійной батареи, выдвинутой императоромъ для поддержки наступленія. Батарея производила своими непрерывными выстрѣлами такое сотрясеніе, что, несмотря на разстояніе, избаушка, у которой я сидѣлъ прислонившись, колебалась до основанія. На улицѣ французскія ядра вырывали цѣлыя ряды изъ строя неприятеля.

„Позади Каи слышны были выстрѣлы и прусскихъ батарей. Видя все это, я сталъ горячо молиться, чтобы Богъ даровалъ побѣду французамъ. По крайней мѣрѣ, тогда французскіе раненые будутъ подобраны; если же одолѣютъ прусаки, то, конечно, они прежде позаботятся о своихъ, а насъ оставятъ на погибель....

„Я уже не обращалъ вниманія на лежавшаго подлѣ меня раненаго сержанта, а смотрѣлъ лишь на прусскихъ артиллеристовъ, которые суетились около своихъ орудій, поспѣшно заряжая и стрѣляя. Внутренно я ихъ проклиналъ за эту поспѣшность, но въ то же время съ наслажденіемъ прислушивался къ раздававшимся, между выстрѣлами, крикамъ: „Vive l'Empereur!“ Крики эти приближались къ деревнѣ.

„Минуту черезъ двадцать стало замѣтно, что русскіе и пруссаки подаются назадъ, толпами двигаются по улицѣ, оставляютъ деревню. Вдругъ три-четыре ядра попали въ стоявшія въ саду орудія; разбились колеса лафета, осыпали землю артиллеристовъ. Орудіе упало на бокъ, два артиллериста были убиты, двое ранены. Я почувствовалъ въ эту минуту, что меня кто-то тронулъ за плечо, обернулся и увидѣлъ стараго, полумертваго сержанта. Онъ злобно улыбался. Крыша избушки, возлѣ которой мы лежали, рухнула; пошатнулась стѣна, но мы не обратили на то вниманія: мы слѣдили за пораженіемъ враговъ и прислушивались къ приближающимся голосамъ нашихъ солдатъ.

„Вдругъ сержантъ, по лицу котораго уже разлилась предсмертная блѣдность, проговорилъ: „вотъ онъ!“ и, ставъ на колѣни, упираясь одною рукою въ землю, поднявъ другую, громко воскликнувъ: „Vive l'Empereur!“ Съ этимъ словомъ онъ, мертвый, повалился на землю. „Я также приподнялся, и увидѣлъ Наполеона. Онъ вѣхалъ въ черту ружейнаго огня, въ своей трехугольной шляпѣ, въ сѣромъ разстегнутомъ сюртукѣ, изъ-подъ котораго виднѣлась красная лента на бѣломъ жилетѣ. Императоръ былъ безстрастно-спокоенъ среди окружающихъ его штыковъ; все отступало передъ нимъ; прусскіе артиллеристы оставляли свои орудія и, несмотря на команду офицеровъ, старавшихся удержать ихъ, бѣжали изъ деревни черезъ огороды“.

Картина послѣдняго эпизода люценскаго сраженія начертана такъ живо, что ее можно было бы прямо перенести на полотно. Поразителенъ въ особенности старый сержантъ, умирающій съ крикомъ: „да здравствуетъ императоръ!“, счастливый тѣмъ, что видѣлъ передъ смертію торжество своего оружія, видѣлъ самого „маленькаго заправа!“ Сержантъ—это типъ тѣхъ старыхъ, закаленныхъ въ бояхъ воиновъ первой имперіи, для которыхъ императоръ, армія и слава французскаго знамени составляли все, наполняли всю ихъ жизнь, всѣ чувства и помыслы. Это были фанатики военнаго дѣла, поклонившіеся условно военному гению Наполеона, который замѣнялъ для нихъ и отечество, и семейство.

Оставивъ Юсефа Берта раненымъ на полѣ сраженія, авторы заставляютъ его испытывать всѣ тѣ мучительныя страданія между жизнью и смертію, которыя переносятъ раненые, непо-

добрѣе съ полка битвы. Только медь утро она была поднятъ и отнесенъ на перевозочный пунктъ. При описаніи перевозки раненыхъ и перевозки ихъ въ госпиталь, Эрнманъ Шатринъ широкою кистью описываютъ бѣдствія человечества; но это уже избитый сюжетъ, хотя и полный драматизма. Послѣдуемъ за героемъ, переименнымъ, для излеченія, въ одинъ изъ лейпцигскихъ госпиталей.

Пользуясь пребываніемъ Юсефа Верта въ Лейпцигъ, авторы мастерски передаютъ то настроеніе духа, въ которомъ находилась вся Германія въ 1813 году, когда пробудился патриотизмъ нѣмцевъ и явилась надежда на близкое освобожденіе изъ-подъ позорнаго и ненавистнаго бонапартовскаго ига. Известно, что въ это время вся Германія, особенно восточная, покрылась сѣтью тайныхъ „обществъ добродѣтели“ (Tugendbund), цѣлю которыхъ было сверженіе французскаго владычества. Благодаря „тугендбунду“ и содѣйствію жителей, союзные партизаны и вольныя дружины безопасно работали въ тылу французской арміи, нападая на ея обозы, парки, на слабыя команды. Въ то же время жители Германіи, особенно молодежь, повсемѣстно открыто высказывали свою ненависть къ французамъ, и французамъ приходилось переносить множество мелкихъ непріятностей, всегда до крайности раздражающихъ войско.

1-го октября Юсефъ Верта былъ выписанъ изъ госпиталя и отправленъ въ 6-й линейный полкъ, находившійся у Гауэрнцпа, на Эльбѣ. На этомъ пути повторились прежнія бѣдствія, съ тѣмъ еще дополненіемъ, что вся страна была въ концѣ разорена войною и мародерами, которые въ тылу арміи грабили жителей и дѣлали всякія безчинства. Прибывъ въ полкъ, Верта почти никого не нашелъ въ своей ротѣ, потому что послѣ люценскаго боя армія нѣсколько разъ была переформирована вслѣдствіе понесенныхъ ею потерь. Изъ прежнихъ его сослуживцевъ остались только сержантъ Пинто, Зебеде и Клюфель; всѣ люди были изнурены усиленными маршами, скуднымъ довольствіемъ; не слышно было ни шутокъ, ни веселаго смѣха; солдаты упали духомъ, и хотя желали драться но единственно потому, что жизнь надобна имъ среди невыносимыхъ лишеній и трудностей. Форсированные переходы, бивуаки въ грязи, недостатокъ бѣлья, половинныя дачи провіанта, усиленная аванпостная служба, для обезпеченія отъ

побѣговъ партизановъ и возставшихъ жителей, все это довело французскую армію до отчаяннаго положенія. Солдаты обрадовались, когда къ половинѣ октября войска стали стягиваться къ Лейпцигу, гдѣ должна была разыгратъя послѣдняя кровавая драма 1813 года.

Битва народовъ подъ Лейпцигомъ описана довольно коротко; изложены только дѣйствія, происходившія къ сѣверу отъ города, тамъ, гдѣ дрался корпусъ Неа. Подробно авторы описываютъ бѣдственное отступленіе 7-го (19-го) октября и очищеніе города. Здѣсь опять нельзя не замѣтить односторонности авторовъ. Извѣстно, что французы въ оба дня лейпцигскаго сраженія 4-го (16-го) и 6-го (18-го) октября дрались мужественно, но не могли устоять противъ превосходныхъ силъ союзниковъ; Эркманъ и Шатрианъ почти не останавливаются на этихъ дѣйствіяхъ, хотя могли бы представить не мало картинъ самоотверженія и высокаго мужества. Авторы предпочли изложить съ особенною подробностію выходъ французовъ изъ Лейпцига, бѣдственную ихъ переправу черезъ Эльстеръ и еще болѣе бѣдственное отступленіе до Рейна. Въ это время армія была оѣднательно деморализована; ей не успѣли раздать даже патроновъ взаимнѣ потраченныхъ подъ Лейпцигомъ; ей не выдавали и довольствія, потому что некому и нечего было раздавать; ей нельзя было и остановиться, чтобы переформироваться послѣ понесенныхъ потерь, отдохнуть послѣ испытанныхъ трудностей и лишеній.

Пользуясь такимъ исключительнымъ положеніемъ французской арміи, Эркманъ и Шатрианъ рисуютъ самыя мрачныя картины. Что можетъ быть, напримѣръ, безотрадиѣ мастерски описаннаго очищенія французами Лейпцига и переправы черезъ Эльстеръ.

„Дивизія наша, изъ 8,000 уменьшившаяся до 1,500 чловѣкъ, отступала къ мосту, перестрѣливаясь съ непріателемъ. Нечего говорить о радости, какую мы ощущали, приближаясь къ мосту. Но не легко было добраться до него: во всю ширину алей, которая вела къ рѣкѣ, столпилась громадная масса пѣшихъ и конныхъ людей; головы ихъ образовали почти сплошную плоскость; масса эта подвигалась медленно, оглашая воздухъ криками и стопами, которые разносились далеко и заглушали нерѣдко ружейный огонь. Плохо было тѣмъ, кто стоялъ у края моста: они падали въ рѣку и никто не обра-

палъ на нихъ вниманія. По срединѣ моста, не только людей, но и лошадей приподнимали: сами они не двигались, ихъ двигала напиравшая толпа. Какъ достигнуть противоположнаго берега? Непріятель приближался съ каждою минутою. Конечно, были поставлены орудія, чтобы дѣйствовать вдоль моста и по ведущимъ къ нему улицамъ; были еще въ строю нѣкоторыя части, чтобы оттѣснить первый натискъ врага къ мосту; но русскіе, прусаки и австрійцы также имѣли достаточно орудій для обстрѣливанія моста, и тѣмъ, кто прикрывалъ отступление, кто былъ послѣднимъ, предстояло выдерживать весь огонь противника. Это было ясно для каждого, а потому понятно, что никто не хотѣлъ быть послѣднимъ, всѣ спѣшили скорѣе добраться до противоположнаго берега.

„Когда мы были шагахъ въ двухъ стахъ или въ трехъ стахъ отъ рѣки, я хотѣлъ броситься въ толпу и пробраться черезъ мостъ, но офицеры наши приказали стрѣлять по тѣмъ, кто выйдетъ изъ строя.

„Ужасное положеніе быть такъ близко къ переправѣ и ждать очереди!...

„Это было между одиннадцатью и двѣнадцатью часами дня. Я никогда не забуду нашего отчаяннаго положенія: справа и слѣва приближался ружейный огонь; ядра начинали летать надъ нашими головами; со стороны предмѣстья Галле показались прусаки, преслѣдующіе по пятамъ нашихъ солдатъ. Около моста раздавались страшные крики: кавалеристы, чтобы проложить себѣ дорогу, рубили пѣхотинцевъ, защищавшихся штыкомъ. Это было не отступление, а самое безпорядочное бѣгство. Съ каждымъ шагомъ кто-нибудь падалъ съ моста и, желая удержаться, увлекалъ съ собою еще нѣсколькихъ чело-вѣкъ.

„Трескъ перестрѣлки, крики и стоны, общее замѣшательство, все это представляло возмутительную картину, хуже которой и нельзя ничего вообразить. Но вдругъ послышался оглушительный грохотъ: ближайшая къ берегу арка моста обрушилась со всѣми находившимися на ней: сотни несчастныхъ исчезли въ волнахъ, другихъ или передавило, или изувѣчило разбросанными повсюду камнями.

„Саперный капралъ взорвалъ мостъ!....

„Тогда по всему берегу раздались отчаянные крики: мы погибли! намъ изменили! Одни, въ изступленіи, обратились

назадъ и устремились на непріятеля, какъ бы ничего не вида и думая только о мщени и о смерти; другіе ломали и бросали съ провлятіями оружіе. Офицеры и генералы, бывшіе верхами, кидались въ рѣку, чтобы переплыть ее; многіе солдаты слѣдовали ихъ примѣру, не подумавъ даже снять ранца. Мысль, что возможность спасенія была такъ близка и что гибель неизбежна, приводила въ бѣшенство. Наканунъ я видѣлъ множество труповъ въ рѣкѣ Партѣ; но здѣсь зрѣлище было еще поразительнѣе: несчастные барахтались въ водѣ, цѣплялись другъ за друга, испускали вопли отчаянія.... Рѣка была переполнена ими. Только виднѣлись головы да руки, выставившіяся изъ воды.

„Въ эту минуту даже старый нашъ командиръ, капитанъ Видалъ, до сихъ поръ удерживавшій насъ въ порядкѣ, и тотъ упалъ духомъ; онъ вложилъ саблю въ ножны и, какъ—то странно засмѣявшись, сказалъ: „Ну, теперь все кончено!“

Но Іосифъ Берта спасаетъ своихъ товарищей: во время четырехмѣсячнаго пребыванія въ лейпцигскомъ госпиталѣ, онъ неоднократно купался въ рѣкѣ Эльстеръ и узналъ одно мѣсто, гдѣ, хотя и по шею въ водѣ, однако можно было пробраться на противоположный берегъ. Онъ указалъ этотъ бродъ, перешелъ рѣку невредимо и провелъ за собою остатки своего баталіона.

Бѣдствія героя романа въ 1813 году тѣмъ еще не кончились: ему предстоялъ длинный путь до границъ Франціи, среди явно возставшаго населенія, по странѣ, гдѣ остаткамъ французской арміи грозили новыя опасности и лишенія. Вотъ какъ Берта рассказываетъ это гибельное отступленіе:

„Говорять, что увѣренность въ себя придаетъ силы. Справедливо, какъ нельзя болѣе справедливо относительно французовъ. До тѣхъ поръ пока французы идутъ впередъ, пока надѣются на побѣду, они держатся плотно, какъ пальцы одной руки; воля начальниковъ для нихъ непреложный законъ; они сознаютъ, что успѣхъ возможенъ только при дисциплинѣ. Но лишь только ихъ принудятъ къ отступленію, тотчасъ же каждый начинаетъ надѣяться единственно на себя, и тогда прекращается всякое послушаніе начальству. Тогда люди, еще недавно столь гордые, столь самонадѣянно и весело шедшіе противъ непріятеля, деморализуются, идутъ въ разбродъ, куда глаза глядятъ. Тогда ободряются и тѣ, кто еще недавно дрожалъ передъ

французами, подходить сначала робко, но, замѣтивъ свою безнаказанность, дѣлаются смѣлыми, нападаютъ на отсталыхъ, захватываютъ ихъ, словомъ уподобляются вѣронамъ, которые садятся на навшую лошадь, тогда какъ прежде, пока она была на ногахъ, боялись даже подлетѣть къ ней.

„Я видѣлъ это.... Я видѣлъ казаковъ, на изнуренныхъ влячахъ, безъ сѣдла, съ веревками вмѣсто стремянъ, съ старыми заржавленными пистолетами, съ гвоздемъ воткнутымъ въ палку вмѣсто пика; я видѣлъ какъ они забирали по десяти, по пятнадцати и двадцати нашихъ солдатъ и уводили ихъ какъ барановъ....

„А крестьяне, которые, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, дрожали словно осиновый листъ, лишь только косо взглянешь на нихъ.... теперь и они принимали гордый и вызывающій видъ съ старыми солдатами, съ кирасирами, съ драгунами, закаленными въ испанской войнѣ, съ людьми, которые могли бы ихъ уничтожить однимъ ударомъ кулака.... Я видѣлъ, какъ они отказывались продавать намъ хлѣбъ, не давали намъ ни пива, ни вина, отговариваясь неимѣниемъ, хотя у нихъ во всемъ проглядывалъ достатокъ. И этихъ-то людей никто не рѣшался проучить, а они, бездѣльники, смѣялись намъ въ глаза надъ нашею неудачею, надъ нашимъ отступленіемъ.... И все это потому, что не было между нами общей связи, что каждый думалъ о себѣ.... не было дисциплины: никто не хотѣлъ слушать начальниковъ.

„Затѣмъ обрушились на насъ голодъ, нищета, изнуреніе, болѣзни; небо не прояснялось; шелъ непрерывный дождь; осенній вѣтеръ пробиралъ до костей. Какъ же могли противустать столькимъ бѣдствіямъ молодые конскрипты, почти мальчики, у которыхъ еще и усы не пробились!... Они исхудали до того, что казались скелетами. Они гибли тысячами; вездѣ по дорогамъ можно было видѣть несчастныхъ жертвы. Страшная болѣзнь, называемая тифомъ, неотвязчиво слѣдовала за нами: говорятъ, что эта губительная болѣзнь является вслѣдствіе того, что мертвыхъ зарываютъ неглубоко; другіе объясняютъ, что тифъ происходитъ отъ лишеній и страданій, превышающихъ человѣческія силы. Я въ этомъ ничего не смыслю; знаю только, что Альзасъ и Лотарингія, куда мы занесли тифъ, будетъ его помнить: изъ ста больныхъ выздоравливало не болѣе десяти-двѣнадцати человѣкъ“.

Мы привели дѣликомъ эту выписку потому, что она вѣрно характеризуетъ не только французскую армію, но и французскую націю. Какими были французы въ 1813 году, такими остались и нынѣ: при успѣхѣ воодушевляются необыкновеннымъ энтузіазмомъ, въ неудачѣ падаютъ духомъ, и тогда ихъ арміи представляютъ такое разстройство, какому не подвергается ни одна изъ европейскихъ армій. Даже австрійская армія, чаще всѣхъ другихъ терпѣвшая пораженія, и та никогда, послѣ самыхъ жестокихъ неудачъ, не доходила до такого жалкаго положенія, въ какомъ явилась французская армія при отступленіи изъ Россіи, или въ 1813 году, послѣ лейпцигскаго погрома. Картину, подобную этимъ двумъ бѣдственнымъ эпизодамъ, напоминаетъ развѣ только деморализація прусской арміи въ 1806 году, послѣ пораженія подъ Іенною и Ауэрштедтомъ; но и тогда разстройству прусаковъ были исключительныя причины, и изъ примѣра 1805 г. нельзя выводить заключенія, чтобы прусская армія всегда, въ случаѣ пораженія, могла такъ скоро быть приводима въ деморализованное состояніе. Что до нашей арміи, то ея достоинства, въ этомъ отношеніи, давно признаны исторіею; масса нашихъ войскъ, при неудачахъ, не только не падаетъ духомъ, но какъ бы возрождается силами для новыхъ подвиговъ. Недаромъ о русскомъ солдатѣ сказано, что его прежде надо сломить, и только тогда можно убить. По признанію великихъ полководцевъ новѣйшаго времени, Фридриха II и Наполеона, нѣтъ лучше русскихъ солдатъ по непоколебимой стойкости и презрѣнію смерти.

Отзывъ Эркмана и Шатріана о нашихъ казакахъ свидѣтельствуетъ только о глубокомъ невѣжествѣ французовъ относительно нашихъ военныхъ учреждений и о безотчетномъ страхѣ ихъ передъ казаками, словно передъ какими-нибудь полудикими варварами. Что казаки не отличались въ 1813 г. не только щегольствомъ, но и порядочностію снаряженія и вооруженія, это, конечно, справедливо; но вѣдь эти-то плохо-вооруженные и худо-конные казаки и были грозою французской арміи не только при отступленіи отъ Лейпцига, но и прежде, во всѣхъ войнахъ. Это единогласно признаютъ всѣ, даже французскіе писатели.

Истомленный лихорадкою и всевозможными лишеніями, Іосифъ Верта выбился изъ силъ при отступленіи французской арміи

къ Рейну и, только поддерживаемый своимъ товарищемъ Зебеде, могъ кое-какъ передвигать ноги.

„Я все еще надѣялся“—разсказываетъ онъ—„что дойду до Франціи, но на привалѣ, въ трехъ миляхъ отъ Фульды, по дорогѣ въ Сальмюнстеръ, мы узнали, что 50,000 баварцевъ преградили намъ путь отступленія, занявъ лѣса, черезъ которые мы должны были проходить. Это извѣстіе нанесло окончательный ударъ моимъ силамъ: я почувствовалъ, что не могу ни двигаться, ни стрѣлять, ни дѣйствовать штыкомъ, и что здѣсь придется мнѣ погибнуть неизбежно. Сдѣлавъ однако усиліе надъ собою, я попробовалъ подняться.

— „Ну-ка, Іосифъ“—говорилъ мнѣ Зебеде—„пріободрись, подымайся!“

„Но я не могъ; силы меня оставили, я громко зарыдалъ, восклицая: Боже мой, Боже мой! не могу.

„Я ухватился за руку товарища.... слезы текли и по его лицу.... Онъ попробовалъ было понести меня, но оказался слабымъ для такой ноши. Я умолялъ его не оставлять меня.

„Въ эту минуту подошелъ къ намъ капитанъ Видалъ и, съ грустію глядя на меня, сказалъ:

— „Успокойся, мой милый; черезъ полчаса проѣдутъ лаваретные фургоны, они подберутъ тебя.

„Но я зналъ, что это значить, а потому, не выпуская изъ рукъ Зебеде, привлекъ его къ себѣ и сталъ шептать ему на ухо: — „Послушай, поцѣлуй за меня Катерину; обѣщай мнѣ это! Скажи, что я умеръ думая объ ней и что ты передаешь ей мой предсмертный поцѣлуй!...

„Хорошо, хорошо, я все скажу“, проговорилъ Зебеде рыдая.... Вѣдный Іосифъ!....

Онъ осторожно опустилъ меня на землю и быстро отошелъ, не оглядываясь. Наша колонна также удалялась.... Я долго слѣдилъ за нею глазами, видя въ ней исчезающую надежду на спасеніе; наконецъ и хвостъ ея скрылся за пригоркомъ.... Я закрылъ глаза и впалъ въ забытіе, отъ котораго меня пробудила, уже долго спустя, пальба орудій. Открывъ глаза, я увидѣлъ, что мимо меня идетъ ускореннымъ шагомъ старая гвардія; за нею тянулись артилерія и фургоны. Въ послѣднихъ были больные и я сталъ кричать: — „возьмите меня, ради Бога возьмите!

„Но никто не обращалъ вниманія на мои крики.... всѣ про-

ходили мимо, а канонада усиливалась. Болѣе 10,000 всѣхъ родовъ оружія прошли мимо меня. Я наконецъ выбился изъ силъ.“

Къ счастью, въ самомъ хвостѣ французскихъ войскъ оказался унтеръ-офицеръ, знавшій Іосифа еще въ лейпцигскомъ госпиталѣ; онъ сжалился надъ нимъ и уложилъ его въ фургоны, въ которомъ Берта достигъ Пфальцбурга, гдѣ родные взяли его къ себѣ. Только въ январѣ 1814 года, благодаря заботливому уходу невѣсты и старика Гульдена, онъ поправился, но, конечно, въ полкъ уже не могъ вернуться. Да вскорѣ и Парижъ былъ взятъ союзниками, Наполеонъ отправленъ на островъ Эльбу и восстановлены Бурбоны.

Этимъ оканчиваются похождения конскрипта 1813 года. Они, повторяемъ, описаны вовсе не съ тою цѣлю, чтобы ознакомить читателя съ бытомъ солдатъ; авторамъ хотѣлось только представить въ невыгодномъ свѣтѣ рекрутскіе наборы и постоянныя арміи. Задавшись мыслію уронить эти учрежденія, Эрманъ и Шатріанъ подбираютъ приличныя своему плану сцены; оттого романъ не представляетъ полной картины военного быта и отличается односторонностію направленія.

* * *

(Продолженіе будетъ.)